

DOI: 10.31696/S086919080031258-0

ПОДХОДЫ ИНДИИ К ЕВРАЗИИ: ВОСПРИЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ¹

© 2024

А.И. ЗАХАРОВ ^a

^a – Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3815-6057; azaharov@hse.ru

Резюме: В статье рассматривается восприятие евразийского пространства в Индии – как на уровне политического истеблишмента, так и экспертной дискуссии. Автор анализирует, где в индийском представлении проходят границы политического пространства региона. Помимо этого, определены подходы Индии к процессам интеграции в Евразии на примере Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и выявлены приоритетные направления индийской региональной политики. Автор приходит к выводу, что у Индии сложилось особое восприятие Евразии как политического пространства, которое не совпадает с географическими границами континента. В его центре – постсоветское пространство с некоторыми поправками на западных рубежах, а Китай и Пакистан как важнейшие вызовы индийской внешней политики находятся за пределами и рассматриваются как внешние акторы. Индийская политика в Евразии формируется с опорой на два основных направления. Первое обусловлено угрозами безопасности, исходящими со стороны северных границ Индии: территориальные споры с Китаем и Пакистаном; проблема терроризма и сепаратизма в кашмирском регионе; нестабильность в Афганистане. Второе ключевое направление индийского интереса – развитие связей со странами Центральной Азии и Закавказья. Политико-дипломатические контакты Нью-Дели со странами этих субрегионов Евразии за последние годы заметно расширились, а прогресс в торгово-экономическом сотрудничестве пока упирается в отсутствие стабильных логистических маршрутов и низкую активность со стороны индийского бизнеса. В индийском представлении Россия сохраняет важную роль на евразийском пространстве как гарант безопасности для стран Центральной Азии, влиятельный игрок в афганском урегулировании и региональная держава, уравновешивающая растущее влияние Китая. При этом в последние годы сложилась разница в геополитических видениях Москвы и Нью-Дели: Россия стремится продвигать интеграционные инициативы под эгидой проекта «Большой Евразии»; Индия же делает акцент на морском пространстве в рамках концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Индия, Евразия, Центральная Азия, Закавказье, ШОС, политическое пространство

Для цитирования: Захаров А.И. Подходы Индии к Евразии: восприятие регионального пространства и основные приоритеты. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 60–72. DOI: 10.31696/S086919080031258-0

¹ Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01830, <https://www.rscf.ru/project/23-28-01830/>.

INDIA'S APPROACH TOWARD EURASIA:
THE PERCEPTION OF REGIONAL SPACE AND MAIN PRIORITIES²

© 2024

Aleksei I. ZAKHAROV ^a^a – HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3815-6057; azaharov@hse.ru

Abstract: *The article examines the perception of Eurasia in India – both at the level of the political establishment and expert community. The author seeks to identify the boundaries of Eurasian political space and decipher India's approach to the regional integration mechanisms, specifically Shanghai Cooperation Organization (SCO). It appears that India has a distinct perception of Eurasia as a political space which does not coincide with geographical boundaries of the continent. The author argues that, with certain exceptions on the western frontiers, the post-Soviet space lies at the core of Eurasian political space from the Indian perspective. In contrast, China and Pakistan, which represent the most significant destinations and challenges for Indian foreign policy, are considered as external actors. The Indian approach to Eurasia rests on two pillars. The first is the apprehension about security threats emanating from India's northern borders, including territorial disputes with China and Pakistan; the problem of terrorism and separatism in the Kashmir region; instability in Afghanistan. The second key area of Indian interest is the development of ties with the countries of Central Asia and Transcaucasia. New Delhi's diplomatic contacts with the countries of these regions have expanded significantly over the recent years, though the progress in trade and economic cooperation remains limited. In the discourse of Indian experts, Russia retains a significant role in Eurasia, serving as a guarantor of security for Central Asian countries, an influential actor in the Afghan settlement process, and a regional power that acts as a counterbalance to China's growing influence.*

Keywords: India, Eurasia, Central Asia, Transcaucasia, SCO, political space

For citation: Zakharov A. India's Approach Toward Eurasia: The Perception of Regional Space and Main Priorities. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 60–72. DOI: 10.31696/S086919080031258-0

ВВЕДЕНИЕ

В мировой и отечественной научной литературе последних лет уделяется много внимания процессам, происходящим в Евразии. Как правило, региональные исследования проводятся через две теоретические призмы: 1) геополитическую, указывающую на значимость территорий, находящихся на стыке интересов региональных акторов; 2) изучение интеграционного потенциала в Евразии, в рамках которого больше внимания уделяется экономическим связям между ее отдельными странами и субрегионами.

Проведение исследований политико-экономических процессов на евразийском пространстве осложняется двумя факторами: 1) размытостью его концептуальных границ, что затрудняет определение Евразии как единицы на «политической ментальной карте» и не позволяет осмыслить регион в категориях общих благ и ценностей [Bordachev, Pyatachkova, 2018, p. 37]; 2) большим количеством многосторонних форматов, находящихся в разной

² This research was supported by grants from the Russian Science Foundation, RSF 23-28-01830, <https://www.rscf.ru/project/23-28-01830/>

степени функциональности, что приводит к институциональной и политической разделенности Евразии [Novikov, 2018, p. 85].

Некоторые исследователи выделяют три типа концепции Евразии: постсоветская Евразия как пространство, образовавшееся в результате распада Советского Союза; евразийство как идеология; Евразия как континент [Vinokurov, Libman, 2012, p. 86].

Очевидно, что географические контуры Евразии как материка, или совокупности двух континентов – Европы и Азии, не совпадают с геополитическими концепциями и экономическими инициативами, выдвигаемыми разными странами. Региональная сплоченность Евразии, рассматриваемая в теории нового регионализма как один из ключевых критериев становления региона регионом [Hettne, Söderbaum, 2000, p. 461], находится на достаточно низком уровне. Страхи перед сначала российским, а затем китайским, доминированием на разных этапах приводили к неустойчивому характеру регионального сотрудничества [Molchanov, 2011, p. 9]. Кроме того, среди государств остаются разногласия по поводу прохождения физических границ, расхождения в восприятии угроз безопасности и в видении путей развития интеграционных механизмов на евразийском пространстве.

Для сохранения своего влияния в Центральной Азии Россия в последнее десятилетие активно использовала в официальном дискурсе термин «евразийская интеграция» и предложила странам региона укрепление сотрудничества на равноправной основе [Лукин, 2014, с. 85]. Наиболее амбициозным проектом стала идея о создании Большого евразийского партнерства («Большой Евразии»), оглашенная президентом России Владимиром Путиным в июне 2016 г. Предложение подразумевало формирование «более широкого интеграционного контура» с участием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и «других заинтересованных государств и объединений» [Plenary session, 2016].

Хотя с момента оглашения российской инициативы прошло достаточно времени, важным и до сих пор слабо изученным аспектом в литературе представляется определение индийского подхода к Евразии: восприятие в Нью-Дели политических границ евразийского пространства и процессов региональной интеграции.

Несмотря на географическую принадлежность к региону и интерес в его стабильности и безопасности, у Нью-Дели нет какой-либо стратегии или концептуального видения в отношении Евразии. В индийской научной среде уделяется внимание осмыслению эволюции подходов к Евразии, имеющимся концепциям и идеологиям, в том числе и российским инициативам, однако отсутствует изложение индийского понимания регионализации на евразийском пространстве.

В данной статье на основе анализа как первичных, так и вторичных источников принимается попытка определения индийского восприятия Евразии как политического пространства, а также основных приоритетов и направлений региональной внешней политики Нью-Дели. Термин «политическое пространство» в данном исследовании понимается в широком смысле как поле взаимодействия как государств, так и негосударственных акторов в разных сферах.

ИНДИЯ, ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Место Китая и Пакистана во внешней политике Индии

Для определения формирования дискурса об угрозах безопасности Индии представляется целесообразным рассмотреть индийскую внешнюю политику с опорой на конструк-

тивистские подходы к изучению международных отношений. Данная парадигма позволила некоторым исследователям показать изменения в политике Нью-Дели и в восприятии своей идентичности, произошедшие после прихода к власти в 2014 г. Бхаратия джаната парти (БДП). Если с 1990-х гг. под воздействием экономической и политической либерализации Индии была свойственна «трансформационная идентичность», то после 2014 г. проактивный и энергичный курс правительства Н. Модии и акцент на большую амбициозность в международных делах определили становление «идентичности устремлений» [Chacko, 2019, p. 59–60].

Отношения Индии с Китаем и Пакистаном довольно часто рассматриваются в литературе в контексте противостояния, гонки вооружений и столкновений вооруженных сил, территориальных споров и игры с нулевой суммой. Представляется, что такой подход полезен при анализе конфликтной составляющей во взаимодействии Нью-Дели с этими государствами, но он упускает из внимания сохраняющиеся направления сотрудничества, прежде всего торгово-экономические и культурные связи.

Китай в индийском дискурсе представляет особый кейс. Рассмотрение индийско-китайских отношений через конструктивистские концепции показывает, что общие интересы и цели, страхи и угрозы являются результатом «социального конструирования», и позволяет отойти от чрезмерного фокуса на дилемме безопасности, сосредоточившись на положительных результатах взаимодействия [Ogden, 2022, p. 211]. Однако основной преградой для развития потенциала отношений двух стран остается проблема восприятия угрозы, корни которой заложены в исторической памяти враждебности и конфликтов, особенно войны 1962 г., наследие которой предопределило глубокое недоверие к Пекину в индийских элитах. На уровне восприятия в индийском политическом и военном истеблишменте «северный сосед» закрепился как главная угроза безопасности, поэтому взаимодействие с ним развивалось с осторожностью. Высокий уровень алармизма в отношении китайской политики, особенно в Южной Азии и регионе Индийского океана, присущ индийским средствам массовой информации и экспертам исследовательских институтов [Panda, 2016, p. 41]. Исключением следует считать бизнес-круги и промышленные предприятия Индии, которые видят в Китае источник экономических возможностей.

Хотя обострение противоречий после столкновений войск двух стран в долине реки Галван в мае–июне 2020 г. отразилось на ограничении с индийской стороны инвестиционного сотрудничества в критически важных секторах экономики, Китай остался крупнейшим торговым партнером Индии. Товарооборот двух стран по итогам 2022–2023 финансового года составил 114 млрд долл.³ (второе место после США) [Export-Import, 2024].

Таким образом, несмотря на охлаждение индийских-китайских отношений и сложившееся после 2020 г. «аномальное положение дел» [India-China relations, 2023], двустороннее взаимодействие продолжает сочетать в себе три элемента: соперничество, сотрудничество и конфликт. Очевидно, что ради нормализации отношений в ближайшие годы сторонам предстоит договориться о возобновлении мирного сосуществования или выдвижении новых принципов, которые могли бы лечь в его основу.

Еще более сложной для разрешения видится ситуация в индийско-пакистанских отношениях. С момента раздела Британской Индии начался спор за территории Кашмира, ставшего местом нескольких войн между Индией и Пакистаном: 1947–1948, 1965, 1971 и 1999 гг. В остальные периоды в регионе происходили террористические акты и вооруженные столкновения. Получение Индией и Пакистаном ядерного статуса значительно повысило ставки. Осложняет решение кашмирской проблемы и роль Китая в регионе,

³ Торговая статистика в Индии ведется по финансовым годам с 1 апреля по 31 марта. В данные по Китаю не входит товарооборот с Гонконгом и Тайванем.

который владеет частью оспариваемых Индией территорий в Ладакхе (ранее входившим в состав княжества Джамму и Кашмир) в результате индо-китайской войны 1962 г., а также «временной передачей» Пакистаном Китаю части территорий Кашмира и установление границы между государствами к западу от Каракорумского перевала в 1963 г. Спор вокруг Кашмира представляет для Индии сочетание двух конфликтов и потенциально несет в себе угрозу войны на два фронта [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 169–170].

Главная проблема в сфере безопасности для Индии – терроризм и религиозный экстремизм в Кашмире, поддерживаемый со стороны Пакистана. Основную угрозу представляют региональные террористические группировки «Лашкар-е-Тайба» и «Джаиш-е-Мухаммад», базирующиеся в Пакистане. Именно их представители участвовали в наиболее крупных и резонансных терактах на территории Индии, таких как атака на индийский парламент в 2001 г., теракты в Мумбаи в 2008 г. и многочисленные нападения на представителей индийских силовых ведомств на территории Джамму и Кашмира.

Вызовом для индийской безопасности остается нестабильная обстановка в Афганистане, прежде всего активизация террористической группировки «ИГ-Хорасан»⁴, которая угрожает религиозным меньшинствам (последователям индуизма и сикхизма), проживающим на афганской территории. Проблема наркотрафика после прихода к власти талибов в августе 2021 г. так и не получила своего разрешения, а Индия остается одним из основных направлений экспорта наркотиков из Афганистана через территории Пакистана и Ирана. Помимо этого значительную проблему для Индии представляет поток беженцев с афганской территории, заставляющий индийское правительство регулировать миграционную политику.

Важность КНР и Пакистана как отдельных направлений внешней политики и сохранение неурегулированных территориальных разногласий, как представляется, не позволяет Индии рассматривать эти страны как часть политического пространства Евразии. Хотя Нью-Дели поддерживает с ними дипломатические контакты, в том числе по региональным вопросам в многосторонних форматах (например, кризис в Афганистане), это происходит в основном ради поддержания предсказуемости и снижения напряженности в отношениях. Когда же дело доходит до совместного участия в мегарегиональных, как в случае со Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством (ВРЭП)⁵, или субрегиональных инициативах (например, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, СААРК⁶), появляются трудности, не позволяющие Нью-Дели сотрудничать с Пекином и Исламабадом.

Отсутствие прогресса в урегулировании двусторонних проблем и сохранение высокого уровня недоверия в отношениях Индии с Китаем и Пакистаном не позволяет говорить об эффективном участии трех стран в процессах регионализации на евразийском пространстве.

Восприятие в Индии политического пространства Евразии

Анализ структуры МИД Индии показывает, что Евразия как внешнеполитическое направление подразумевает для Нью-Дели постсоветское пространство за исключением стран Прибалтики и Республики Молдова, отнесенных к отделу по центральноевропейским

⁴ Запрещенная в России террористическая организация.

⁵ Переговоры по ВРЭП начались в 2012 г. и включали 16 стран, среди которых члены АСЕАН, Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония. Однако в 2019 г. Индия приняла решение выйти из этой инициативы.

⁶ СААРК создана в 1985 г., в неё входят 8 государств Южной Азии: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан и Шри-Ланка.

делам. Департамент Евразии МИД Индии включает в себя 11 стран: Россия, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан. Характерно, что в той же структуре индийского внешнеполитического ведомства Пакистан включен в отдельный департамент совместно с Афганистаном и Ираном, а китайским направлением занимаются сразу два отдела – Департамент Восточной Азии и специально созданный в 2017 г. «мозговой центр» при МИД Индии – Центр изучения современного Китая [Divisions, 2024].

Министерство торговли и промышленности Индии выделяет в отдельный регион Содружество независимых государств (СНГ), куда включает все те же обозначенные выше 11 государств плюс Молдову. КНР в статистических данных по торговле отнесена к региону Северо-Восточной Азии, а Пакистан значится в категории «Южная Азия и Иран» [Export-Import, 2024].

Таким образом, евразийское пространство в индийском видении сегментировано на отдельные субрегионы. Китай и Пакистан находятся за его пределами, образуют обособленные направления и относятся к Восточной и Южной Азии соответственно. В центре же региональной политики Нью-Дели находится постсоветское пространство, границы которого с некоторыми поправками на западных рубежах и образуют в индийском представлении контуры Евразии.

ПОВЕСТКА ИНДИИ В ШОС

Важным для понимания индийских интересов в Евразии видится рассмотрение причин вступления Нью-Дели в качестве полноправного члена в Шанхайскую организацию сотрудничества в 2015 г.⁷ Накануне присоединения к ШОС индийские исследователи полагали, что организация значима для геополитических интересов Индии, поскольку в нее входят все основные игроки на евразийском континенте, и участие в ее деятельности принесет результаты для внешней политики страны.

Ведущий индийский специалист по Центральной Азии и Ирану М.С. Рой выделяла несколько причин для присоединения Индии к организации. Во-первых, полноправное членство в ШОС должно было обеспечить большую видимость в делах евразийского региона на контрасте с характерной для Индии «выжидательной позицией» и политикой «немного зрителя». Ссылаясь на официальные лица индийского правительства, эксперт подчеркивала, что Нью-Дели рассматривал вступление в организацию как «дипломатическую возможность» [Roy, 2014, p. 62].

Во-вторых, Индия была заинтересована в обсуждении с другими странами борьбы с терроризмом и нейтрализации «центробежных сил», которые угрожают безопасности и развитию Индии. Ожидалось, что ШОС станет форумом для «конструктивного взаимодействия» на региональном уровне как с Пекином, так и с Исламабадом и поможет Индии «нейтрализовать негативные действия Пакистана в регионе». В-третьих, ШОС воспринималась как «альтернативная региональная платформа» для обсуждения быстро меняющейся ситуации в Афганистане, способная эффективно справиться с последствиями прихода к власти Движения талибов⁸ [Roy, 2014, p. 62; 65]. Предполагалось, что рост индийского присутствия и инвестиций в Афганистане после 2001 г. требовал поддержания «существенного влияния» Нью-Дели в Центральной Азии» [Pant, 2023]. Наконец, индийскими специалистами подчеркивалась заинтересованность Нью-Дели в продвижении сотрудничества через

⁷ С 2005 г. Индия наряду с Ираном и Пакистаном принимала участие в работе ШОС в статусе наблюдателя.

⁸ Запрещено в России как террористическая организация.

механизмы ШОС в трех областях – энергетике, налаживании торговых и транспортных связей, а также поиске ответов на нетрадиционные угрозы безопасности [Roy, 2014, p. 65].

Еще одним важным фактором в пользу участия Индии в ШОС было опасение, что игнорирование этой организации «неизбежно привело бы к тому, что это поле останется открытым для Китая» [Varma, 2022, p. 11]. В этой связи в индийской научно-экспертной среде довольно часто можно услышать аргумент, что, «присоединившись к ШОС, а не оставаясь в стороне», Индия могла получить больше выгоды в долгосрочной перспективе⁹.

Вопреки ожиданиям, вступление Индии и Пакистана в ШОС не привело к началу конструктивного диалога между странами и усложнило обсуждение не только традиционных угроз безопасности, но и проектов в сфере энергетики и развития транспортной связности между странами-участниками.

Территориальный спор вокруг Кашмира сопровождает встречи разных форматов ШОС и неоднократно находит свое отражение в демаршах представителей индийских и пакистанских делегаций в ответ на комментарии или символические жесты¹⁰. Одним из значимых разногласий между Нью-Дели и другими членами организации стала оппозиция Индии китайской инициативе «Пояса и пути», в частности, проекту китайско-пакистанского экономического коридора. Прохождение инфраструктуры коридора через провинцию Гилгит-Балтистан воспринимается Индией как «нарушение территориальной целостности и суверенитета», поскольку эта часть Кашмира в индийском представлении незаконно оккупирована Пакистаном. Индия стала единственной страной ШОС, не поддержавшей китайскую инициативу в совместных заявлениях организации.

В 2018 г. премьер-министр Н. Моди обозначил индийские приоритеты в ШОС, предложив аббревиатуру SECURE, включающую безопасность, экономическое сотрудничество, связность, единство, уважение суверенитета и территориальной целостности и защиту окружающей среды. Ожидалось, что именно эти направления обозначат комплексные приоритеты индийского председательства в организации в 2022–2023 гг. [Varma, 2022, p. 8]. Однако период председательства Индии продемонстрировал, что ожидать прорыва по вопросам безопасности довольно сложно.

В деятельности организации все более важное место занимают экономические и культурные обмены, хотя они пока не принесли практических результатов. Будучи председателем ШОС, Индия дала импульс сотрудничеству по пяти новым тематическим направлениям: это стартапы и инновации, традиционная медицина, молодежное сотрудничество, цифровая доступность, общее буддийское наследие. Как справедливо отметили некоторые исследователи, инициативы индийского председательства в большей степени относились к политике «мягкой силы» или культурному сотрудничеству и не совсем соответствовали ключевым задачам ШОС в области безопасности, экономического сотрудничества и геополитического балансирования [Hall, 2023].

Тот факт, что саммит лидеров организации 2023 г. прошел в онлайн-формате (вместо полноценного саммита в Нью-Дели) и не привел к какому-либо прогрессу, а лишь подчеркнул сохранившиеся внутренние разногласия между странами-членами, оставил у исследователей впечатление о снижении значимости ШОС для достижения внешнеполитических интересов Индии [Mohan, 2023].

⁹ Данное мнение было высказано индийскими учеными в ходе экспертных интервью автора в Нью-Дели в 2018 г.

¹⁰ Например, советник по национальной безопасности Индии Аджит Довал покинул онлайн-встречу ШОС в сентябре 2020 г. в ответ на размещение на стене в кабинете пакистанского представителя Монида Юсуфа карты Пакистана с изображением всей территории Кашмира в составе страны.

ПОЛИТИКА ИНДИИ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СУБРЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ

Развитие связей со странами Центральной Азии

В качестве основных причин индийского интереса к Центральной Азии приводятся давние цивилизационные и культурные связи, геостратегическая важность региона, влияние политических процессов в нем на безопасность в Кашмирской долине и Южной Азии [Roy, 2001]. Немаловажную роль в индийских подходах играет фактор соперничества с Пакистаном за влияние в регионе в целом и в Афганистане, в частности. В то же время Центральная Азия не входит в список первостепенных приоритетов индийской внешней политики, а рассматривается в качестве «второго круга» интересов как сфера «расширенного соседства» Индии, хотя и обладающая стратегическим значением.

За последнее десятилетие Индия несколько раз предпринимала попытки достичь прорыва в отношениях с центральноазиатскими республиками.

В 2012 г. правительство Манмохана Сингха объявило о запуске новой инициативы «Политика соединения с Центральной Азией» (Connect Central Asia Policy), направленной на развитие широкого спектра политического, экономического сотрудничества и связей между людьми. В программном выступлении государственного министра по иностранным делам Е. Ахамеда отмечалось намерение Индии увеличить обмены визитами; развивать многостороннее сотрудничество под эгидой региональных интеграционных механизмов; укрепить сотрудничество по стратегическим вопросам, в сфере безопасности, в области энергетики, медицины, высоких технологий и образования [Keynote, 2012].

В июле 2015 г. премьер-министр Нарендра Моді совершил исторический визит в регион, посетив все пять республик Центральной Азии. Поездке индийского лидера в регион предшествовало достижение договоренности с Евразийским экономическим союзом (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) о создании рабочей группы по изучению целесообразности создания зоны свободной торговли между Индией и объединением [Sachdeva, 2016, p. 3].

Наконец, новый виток активизации индийской региональной политики пришелся на период после прихода к власти в Афганистане Движения талибов¹¹ в августе 2021 г. Смена власти в Кабуле побудила индийское правительство искать возможности для большего взаимодействия с региональными акторами, особенно с Россией, Ираном и центральноазиатскими государствами, чтобы избежать изоляции и поддерживать влияние на процесс урегулирования афганского кризиса.

В попытке вовлечь государства Центральной Азии в обсуждение будущего Афганистана Нью-Дели в ноябре 2021 г. организовал региональный форум по безопасности (при участии России, стран ЦА, Ирана). В январе 2022 г. прошел первый саммит глав государств «Индия – Центральная Азия», который состоялся в онлайн-режиме по инициативе индийской стороны. Аналогичные диалоговые механизмы с центральноазиатскими республиками в формате «5+1» действуют на уровне глав МИД (с 2019 г.) и советников по национальной безопасности (с 2022 г.).

Торгово-экономическое сотрудничество с партнерами в Центральной Азии находится на довольно низком уровне. Развитие торговли осложнено слабой транспортной связностью с регионом. Из-за сложных отношений с Пакистаном и Китаем Индия остается фактически «отрезанной» от Центральной Азии. Обходные маршруты с использованием инфраструктуры иранского порта Чабахар и Международного транспортного коридора «Север–Юг», хотя получили новый импульс, по-прежнему функционируют не в полной

¹¹ Запрещено в России как террористическая организация.

мере. Хотя проблемы с логистикой часто называются представителями бизнеса Индии как один из барьеров выхода на центральноазиатские рынки, представляется, что это является несколько преувеличенной проблемой. Индийские компании давно ведут свою работу на рынках Центральной Азии, однако их истории успеха в последние годы сменились случаями закрытия предприятий или вынужденной продажи активов¹².

Таблица 1.

Товарооборот Индии с государствами Центральной Азии в 2019–2023 гг., в млн долл.

Государство	2019–2020	2020–2021	2021–2022	2022–2023
Казахстан	2458	1031	561	642
Кыргызстан	30	43	35	57
Таджикистан	24	55	46	50
Туркменистан	38	61	114	192
Узбекистан	247	295	343	332

Источник: [Export-Import, 2024].

У индийского бизнеса довольно низкий интерес к выходу на рынки центральноазиатских республик, что наглядно демонстрируют объемы индийских инвестиций в экономики региона.

Совокупные вложения индийских компаний в экономику Казахстана в период с 1999 по 2023 гг. составили 414 млн долл. В Казахстане работают 563 индийские компании, включая филиалы, представительства и совместные предприятия [Akhmetkali, 2024]. Основные сферы интереса индийского бизнеса в Казахстане включают в себя энергетику, горно-металлургический комплекс, гражданскую авиацию (в частности, управление аэропортами) и фармацевтику.

Индийский бизнес ведет обсуждение инвестиций в Узбекистан общим объемом в 700 млн долл. Компании, работающие в области фармацевтики, поставок автозапчастей и организации парков развлечений, уже реализовали ряд проектов. Индийский конгломерат GMR Group проявляет интерес к развитию грузового терминала аэропорта Навои и других проектов в области гражданской авиации. Энергетические гиганты (такие как NTPC) участвуют в тендерах на строительство солнечных электростанций и реализацию консалтинговых услуг по газовым проектам в Узбекистане. Новым направлениям интереса Индии становится развитие сотрудничества в сфере технологий, инноваций и стартапов [India-Uzbekistan, 2023].

В Таджикистане индийские компании (Bharat Heavy Electricals Limited, BHEL и National Hydroelectric Power Corporation, NHPC) участвовали в модернизации ГЭС «Варзоб-1», а также проводили ремонт и расширение автомобильного шоссе от Душанбе до Айни и обновляли техническую инфраструктуру и оборудование для обеспечения полной оперативной готовности аэропорта в Айни [Gupta, 2022].

¹² Например, в декабре 2023 г. после 28 лет работы из Казахстана ушла одна из крупнейших металлургических компаний «Арселор Миттал», принадлежащая индийскому бизнесмену Лакшми Митталу. После серии аварий на шахтах компании власти Казахстана приняли решение о национализации, а затем для сохранения инвестиционного имиджа настояли на продаже ее активов местному частному инвестору.

В Кыргызстане индийский бизнес привлекают следующие сектора экономики: горнодобывающая промышленность, фармацевтика, агропродовольственные системы, строительство, драгоценные камни и украшения, информационные технологии. В 2019 г. во время визита Нарендры Моди в Бишкек стороны согласовали пятилетнюю дорожную карту по развитию торгово-экономического сотрудничества и подписали соглашение о двусторонних инвестициях [*India-Kyrgyz Republic*, 2023]. Однако каких-либо значимых двусторонних проектов пока реализовано не было.

Расширение присутствия Индии в Закавказье

Центральная Азия и Закавказье нередко связываются в индийской публичной дискуссии в единый субрегион Евразии. Например, при освещении визита главы МИД Индии С. Джайшанкара в Армению в 2021 г. индийские СМИ указывали, что поездка – часть турне по центральноазиатскому региону. Это же говорит о лишь зарождающемся присутствии Индии в Закавказье и слабом понимании со стороны общественности внешней политики на этом направлении. Южный Кавказ, тем не менее, приобрел новое значение для Индии в контексте роста армяно-азербайджанских противоречий и укрепления военно-технического сотрудничества Индии и Армении после 2020 г.

В отличие от Центральной Азии, у Индии нет единого подхода к этому субрегиону, она выстраивает взаимодействие с каждой из стран отдельно. Близость Азербайджана и Турции, а также «поддержка пакистанского нарратива по Кашмиру» предопределили индийскую позицию по Нагорному Карабаху, пусть и сбалансированную, но тяготеющую в сторону поддержки Армении. Это проявляется в значительном увеличении поставок из Индии военной техники собственного производства: реактивных систем залпового огня, противотанковых ракет, артиллерийских снарядов и радаров.

Со всеми тремя странами Закавказья – Азербайджаном, Арменией и Грузией – Индия поддерживает взаимодействие через механизм политических консультаций на уровне дипломатических ведомств.

Хотя политический диалог с Ереваном находится на наиболее высоком уровне, Нью-Дели сохраняет тесные экономические связи с Баку. Азербайджан – один из поставщиков сырой нефти в Индию, а индийская государственная компания ONGC Videsh Limited в составе международного консорциума продолжает инвестиции в энергетические проекты на территории страны: разработку месторождений Азери, Чираг и глубоководной части Гюнешли и строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан.

Россия как крупнейший партнер в регионе

Политика Индии на постсоветском пространстве традиционно развивалась с оглядкой на интересы России. Практика периода холодной войны заключалась в выстраивании всех торговых и экономических связей с советскими республиками через Москву, поэтому от состояния отношений с Россией во многом зависели индийские связи со всем евразийским регионом [*Sachdeva*, 2016, p. 18]. Хотя, как показано выше, Нью-Дели смог продвинуться в укреплении сотрудничества со странами Центральной Азии и Закавказья, в индийском восприятии Россия сохраняет важную, если не ключевую, роль в сфере безопасности и политических вопросах в регионе, хотя в области экономического и культурного влияния уступает свое место Китаю и Турции.

Тем не менее закреплённый в индийском нарративе тезис о возросшем доминировании Китая в регионе вынуждает рассматривать Россию в качестве главного партнера в

региональных делах. Россия воспринимается в Индии как один из значимых игроков в Афганистане и гарант безопасности для стран Центральной Азии. Достижение договоренности о проведении переговоров Индии с ЕАЭС также достигнуто во время российско-индийских встреч на уровне глав МИД.

Нью-Дели предпринимал попытку достичь гармонизации между российским геополитическим конструктом «Большой Евразии», континентальным по своей сути, и собственным видением Индо-Тихоокеанского региона, делающим акцент на морском пространстве. Подтверждением этого намерения стало провозглашение со стороны Н. Моды в сентябре 2019 г. во Владивостоке идеи о возможном «слиянии Евразийского союза, с одной стороны, и открытого, свободного и инклюзивного Индо-Тихоокеанского региона, с другой стороны». При этом в качестве объединяющей Индию и Россию ценностной базы в регионе премьер-министр выдвинул следующие принципы: «порядок, основанный на правилах; уважение суверенитета и территориальной целостности; воздержание от вмешательства во внутренние дела какой-либо страны» [*Translation of Prime Minister's speech*, 2019]. Тем не менее с тех пор стороны так и не смогли развить это видение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Евразия в индийском понимании не представляет собой единое пространство, а скорее разбита на отдельные субрегионы, важные для индийских экономических и политических интересов. Такая сегментация обширного пространства не позволяет Нью-Дели выработать региональную стратегию, обуславливая реактивный подход к происходящим процессам. Евразия прежде всего воспринимается в границах постсоветского пространства, что, с одной стороны, подчеркивает её важную роль в сохранении стратегического партнерства с Россией, а с другой – находит отражение в развитии связей с государствами Центральной Азии и Закавказья.

Стоит отметить, что региональное пространство в индийском представлении по-прежнему остается регионом проблем, исходящих со стороны «северной периферии», в противовес развивающимся инициативам на морском пространстве Индо-Тихоокеанского региона, куда сместилось «стратегическое воображение» Нью-Дели и где Индия стремится использовать свое центральное положение [Pant, 2023]. России необходимо учитывать этот фактор при попытке предложения Индии участия в инициативах Большого евразийского партнерства.

Китай и Пакистан, воспринимаясь в качестве непосредственных угроз безопасности, находятся за пределами политического пространства Евразии в индийском понимании. Сохраняющееся недоверие в отношениях с обоими государствами и наличие принципиальных разногласий по вопросу принадлежности территорий Кашмира и проблеме терроризма не позволяет перейти к сотрудничеству. Присоединение Индии и Пакистана к ШОС фактически заблокировало нахождение компромисса в сфере безопасности и привело к необходимости поиска новых направлений для развития многостороннего взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. *Южная Азия в мировой политике*. М.: Международные отношения, 2003 [Belokrenitskiy V.Ya., Moskalenko V.N., Shaumian T.L. *South Asia in the World Politics*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003 (in Russian)].

Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция. *Международные процессы*. 2014. № 7. С. 84–98 [Lukin A.V. The Idea of the “Silk Road Economic Belt” and Eurasian Integration. *International Trends*. 2014. No. 7. Pp. 84–98 (in Russian)].

Akhmetkali A. Indian Ambassador Highlights Promising Partnerships in IT, Digitalization and Healthcare. *Astana Times*. 25.01.2024. <https://astanatimes.com/2024/01/indian-ambassador-highlights-promising-partnerships-in-it-digitalization-and-healthcare/> (accessed: 20.01.2024).

Bordachev T., Pyatachkova A. The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East. *International Organisations Research Journal*. 2018. No. 3(13). Pp. 33–51.

Chacko P. Constructivism and Indian Foreign Policy. *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis*. H.V. Pant (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 2019. Pp. 48–66.

Divisions. Ministry of External Affairs, Government of India, 2024. <https://www.mea.gov.in/divisions.htm> (accessed: 29.01.2024).

Export-Import Data Bank. Ministry of Commerce, Government of India, 2024. <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/default.asp> (accessed: 20.01.2024).

Gupta S. Ayni in Tajikistan: India completes another capacity-building programme. *Hindustan Times*. 05.07.2022. <https://www.hindustantimes.com/india-news/ayni-in-tajikistan-india-completes-another-capacity-building-programme-101657033217363.html> (accessed: 24.12.2023).

Hall I. Soft Balancing and the Slow Demise of the Shanghai Cooperation Organisation. *Lee Kuan Yew School of Public Policy*. 2023. <https://lkyspp.nus.edu.sg/cag/publications/center-publications/publication-article/detail/soft-balancing-and-the-slow-demise-of-the-shanghai-cooperation-organisation> (accessed: 19.01.2024).

Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*. 2000. No. 3 (5). Pp. 457–472.

India-China relations have been in ‘abnormal state’ since Galwan clashes: Jaishankar. *The Times of India*. 27.09.2023. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-china-relations-have-been-in-abnormal-state-since-galwan-clash-jaishankar/articleshow/103973963.cms> (accessed: 28.01.2024).

India-Kyrgyz Republic Bilateral Relations. Embassy of India, Bishkek, Kyrgyzstan, 2023. <http://indembbishkek.gov.in/docs/1693202747%20India-Kyrgyz%20Bilateral%20Relations.pdf> (accessed: 15.01.2024).

India-Uzbekistan Relations. Embassy of India, Tashkent, Uzbekistan, 2023. <https://eo.gov.in/tashkent/?2615?000> (accessed: 25.01.2024).

Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. Ministry of External Affairs, Government of India, 2012. <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/> (accessed: 30.01.2024).

Mohan C.R. India and the SCO: All is Not Well. *Institute of South Asian Studies*. 10.07.2023. <https://www.isas.nus.edu.sg/papers/india-and-the-sco-all-is-not-well/> (accessed: 10.01.2024).

Molchanov M. *The Hubless Spokes: Competitive Regionalisms in Eurasia*. A paper prepared for the ECPR General Conference, Reykjavik. August 25–27, 2011.

Novikov D. Development of Multilateral Economic Institutions in Greater Eurasia: Problems. Prospects and Implications for Russia. *International Organisations Research Journal*. 2018. No. 3(13). Pp. 82–96.

Ogden C. The Double-Edged Sword: Reviewing India-China relations. *India Quarterly*. 2022. No. 2(78). Pp. 210–228.

Panda J.P. *Politics of resources, identity and authority in a multipolar world*. London: Routledge, 2017.

Pant H.V. India's Struggle Within The SCO. *ORF*. 06.05.2023. <https://www.orfonline.org/research/indias-struggle-within-the-sco> (accessed: 22.01.2024)

Plenary session of St Petersburg International Economic Forum. President of Russia, 2016. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/52178> (accessed: 22.01.2024)

Roy M.S. India's Interests in Central Asia. *Strategic Analysis*. 2001. No. 12(24). Pp. 2273–2289.

Roy M.S. *The Shanghai Cooperation Organisation: India Seeking New Role in the Eurasian Regional Mechanism*. IDSA Monograph Series No. 34. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2014.

Sachdeva G. *India in a Reconnecting Eurasia: Foreign, Economic and Security Interests*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2016.

Translation of Prime Minister's speech in Plenary Session of 5th Eastern Economic Forum. Ministry of External Affairs, Government of India, 2019. https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/31798/Translation_of_Prime_Ministers_speech_in_Plenary_Session_of_5th_Eastern_Economic_Forum_September_05_2019(accessed: 20.01.2024).

Varma D.B.V. India and the Shanghai Cooperation Organization: Looking forward to the 2023 Summit. *Renewing the Shanghai Spirit: India's Presidency of Shanghai Cooperation Organization*. New Delhi: Sapru House, 2022.

Vinokurov E., Libman A. Eurasia and Eurasian Integration: Beyond the Post-Soviet Borders. *Eurasian Integration Yearbook 2012*. E. Vinokurov (ed.). Almaty: Eurasian Development Bank, 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАХАРОВ Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Aleksei I. ZAKHAROV, PhD (History), Research Fellow, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, Moscow, Russia.